

Лингвокультурная стилистика русских и китайских аллегорий

© доктор филологических наук В.И. Карасик, 2010

Аллегория, или иносказание, представляет собой двуплановое высказывание, внешнее содержание которого связано с определенными характеристиками внешнего, наблюдаемого мира, а внутреннее содержание – с нормами поведения или законами миропорядка. Аллегория используется в тех случаях, когда говорящий считает необходимым дать возможность адресату сделать некоторое минимальное интеллектуальное усилие для того, чтобы прийти к определенным выводам. Сделав такое усилие, адресат овладевает престижным стилем общения, понимая, что непрямая коммуникация представляет собой выражение уважения к нему. Специфика аллегии в отличие от символа состоит в том, что аллегория допускает только одно прочтение, в то время как символ принципиально многозначен. У этих способов непрямого выражения смысла существует разная направленность: аллегория сориентирована на приобщение человека к неким нормам социума, она направлена на коллективное знание, символ же в его художественном понимании нацелен на выход за рамки коллективного знания, на актуализацию индивидуального творческого осмысления мира. Разумеется, речь идет о типичных аллегориях и символах. Например, известное русское речение *«Где тонко, там и рвется»* имеет одно прочтение: неудача случается чаще в тех ситуациях, где нет запаса прочности (это осуждение непредусмотрительности). В художественном тексте однозначная интерпретация вряд ли возможна: *«Женщина – подстрочник, мужчина – перевод, Бог – первоисточник. Вот!»* (Вера Павлова). Сравнивая разные типы текстов и предназначение мужчин и женщин, поэт приглашает нас задуматься и понять многомерность такого предназначения. Но наряду с однозначными аллегориями и многозначными символами существуют промежуточные образования, в частности сложные аллегии и относительно простые символы. Кроме того, к одному и тому же тексту можно подойти с разными интерпретативными установками, не случайно в любой фразе при желании можно найти эзотерический смысл.

Несмотря на то, что механизм аллегии универсален, существуют этнокультурные модели типичного выражения поучений. Эти модели отражают многовековой опыт освоения мира, свойственный определенному языковому сообществу. С позиций лингвокультурологии можно говорить об этноспецифической концептуализации действительности [Сорокин 1981? 2003; Красных 2002; Русское культурное пространство

2004; Гудков 2003; Воркачев 2009; Карасик 2004]. Весьма продуктивной является новая лингвокультурологическая модель этностилистики, предполагающая выделение этностиля – стилевых характеристик, типичных для коммуникативной практики определенного народа [Ларина 2009].

В данной работе рассматриваются этностилистические особенности русских и китайских аллегорий на материале пословиц и поговорок. Материалом для анализа послужили паремиологические справочники, составленные В.И. Далем, В.П. Жуковым, Г.Л. Пермяковым и Б.Л. Рифтиным.

Этнокультурная специфика пословиц проявляется в нескольких аспектах: 1) типичный образ, положенный в основу аллегории, 2) типичные модели универсальных высказываний, 3) типичная коммуникативная тональность таких речений.

Типичные образы аллегорий связаны с реалиями, окружающими людей. Это реалии географические (в русских пословицах фигурируют лес, поле, река, а не горы, море, тундра), исторические (например, «*Душа божья, тело государево, а спина барская*» – здесь речь идет о физических наказаниях, которым подвергались в России крепостные крестьяне), обиходные (одежда и обувь, жилище, продукты питания), типичные представители фауны и флоры. В китайских паремиях отражены соответствующие реалии: «*У собаки во рту не вырастут бивни слона*», «*Даже красные цветы поддерживают зеленые листья*», «*Если дома почитаешь родителей, то зачем же идти далеко жечь ароматические палочки?*».

Обратим внимание на разные типы ситуаций, которые были осмыслены как основания для поучений. Например, интересна диалектическая русская паремия: «*Не прав медведь, что козу задрал; не права коза, что в лес ушла*». В этой фразе говорится о том, что в конфликте обычно виноваты оба его участника. Китайцы отмечают диалектику развития событий по-своему: «*Вода может нести лодку, а может и перевернуть ее*». Здесь говорится о том, что не следует рассматривать развитие событий только в благоприятном плане. Ситуации такого плана имеют место везде (домашние животные могут отвязаться и уйти в лес, лодка может перевернуться), но в одной культуре они осмысливаются как повод для аллегории, а в другой – нет. Существуют и симметричные варианты аллегорического осмысления ситуаций, например, по-русски говорят о том, что «*Ложка дегтя портит бочку меда*», а по-китайски – «*Горошина мышинного помета портит котел каши*». В обоих случаях речь идет о том, что малая степень чего-то плохого перечеркивает все хорошее, каким бы большим оно не было. Такая симметричность рассматривается В.М. Савицким как семантический изоморфизм – «*возить уголь в Ньюкасл*» (англ.), «*возить борд – сорт ткани – в Йемен*» (перс.),

«со своим самоваром в Тулу ехать» (рус.) [Савицкий 2006: 41]. В этих выражениях критикуется бессмысленность усилий по доставке чего-либо туда, где соответствующий предмет имеется. Аналогичные изоморфные речения касаются и других ситуаций: «Сапожник – сам без сапог» (рус.), «Продающий веер обмахивается рукой» (кит.).

Критика социальной несправедливости отчетливо и разнообразно выражена в русских пословицах: «Алтынного вора вешают, полтинного чествуют» (простых людей сурово наказывают за кражу в малых размерах – алтын был равен трем копейкам, а преступников, расхитивших казну, хвалят: серебряная полтина – 50 копеек – считалась сравнительно большой суммой денег). В пословицах отчетливо выражено критическое отношение к представителям закона: «Земля любит навоз, лошадь овес, а воевода принос». Вместе с тем в коллективном крестьянском сознании ясно выражена идея допустимости умеренного покушения на чужую собственность: «Около печи нельзя не нагреться», «Быть у воды – как не напиться?». В русских пословицах формулируется великая дилемма, стоящая перед честными людьми: «Неправдою жить – не хочется, а правдою жить – не можется». В этом речении нет образности, перед нами горькая этическая сентенция, которая конкретизируется в следующих паремиях: «За правдивую погудку смычком по рылу бьют», «Грех воровать, да нельзя миновать». Этическое и практическое в русском сознании четко разделены и противопоставлены. Такая антитеза имеет универсальный характер, человек живет в двойном измерении: он твердо знает, как следует себя вести, видит, что так прожить невозможно, сознательно идет на нарушения, оправдывая себя тем, что реальная жизнь не соответствует законам высшей справедливости. Бросается в глаза непрагматичность норм русского поведения, отраженного в пословице: «Доносчику первый кнут». Это речение объясняется исторически обычаем пытаться доносчика первым, чтобы убедиться в истинности его показаний. Следовательно, доносительство не поощрялось. В русских пословицах выражена надежда на то, что справедливость будет восстановлена: «Отольются волку овечьи слёзки / Отольются кошке мышьи слёзки» – Обидчику придется держать ответ за обиды, причинённые слабому. Эта фраза обычно произносится как утешение обиженному.

Для русского языкового сознания весьма важной является идея трезвой оценки непреодолимых обстоятельств: «Лбом стену не прошибёшь», «Плечью обуха не перешибёшь», современное речение «Против лома нет приёма». Такая трезвая оценка базируется на необходимости смирения, весьма важного концепта традиционной русской лингвокультуры. Смирение предполагает жертвенность: «Лес рубят – щепки ле-

тят». Говорящий признает, что жертвы неизбежны и тем самым оправдывает их заранее.

В китайских паремиях акцент делается на практических последствиях поступков: *«Выбитые зубы попадают в живот»* (когда нет возможности жаловаться, надо молча переносить обиду). Вместе с тем констатируется несправедливость мироустройства: *«Все хорошие дела достаются прекрасной барышне, а плохие - валяются на плешистую служанку»*. Вывод – тем, кому плохо, и далее придется страдать.

Китайцы подчеркивают множественность взглядов на мир: *«Выпадает снег – собакам радость, а у воробья в животе полно злости»*. Акцентируется идея различий между людьми, при этом нет указания на какую-то одну позицию, с которой ассоциирует себя говорящий. При этом делается вывод, что когда от чего-то кому-то хорошо, другому от этого же будет плохо. В русских пословицах на первый план выдвигается мысль о том, что люди отличаются друг от друга своими пристрастиями: *«На вкус и на цвет товарища нет»*, *«Кто любит попу, кто попадью, кто попову дочку»*.

В китайских паремиях осуждается претенциозность: *«Днем ходит, как вельможа, а по ночам ворует сою»*. В этом речении выражена очень важная для китайской лингвокультуры норма поведения – нельзя терять лицо.

Ориентированность на эту жизнь резко отличает китайские паремии от русских: *«Думай лучше о еде в этом мире, а не о том, что на том свете нечем будет топить»*. Человек должен думать о проблемах настоящего дня.

В китайском языковом сознании остро переживается идея несоответствия между низким статусом человека и его завышенными притязаниями: *«Жаба всем сердцем хочет попробовать лебединого мяса»*. Вместе с тем допускается возможность выхода за рамки своей социальной группы: *«И из курятника выходят фениксы»*. Феникс, как и дракон, являются высшими персонажами китайской мифологии. В китайском сознании закреплена идея возможности социального роста человека. В русском сознании такой рост оценивается иначе: *«Из грязи, да в князи»*. Здесь подчеркивается другой смысл: получив высокий статус, человек низкого происхождения остался тем же, кем и был – грязью. Эта весьма частотная паремия используется в тех ситуациях, когда люди презрительно отмечают низкие этические качества тех, кто сумел пробиться наверх. В русских паремиях идея соответствия статуса человека и его поведения выражена как предостережение тем, кто вмешивается не в свое дело: *«Знай сверчок свой шесток»*. Вместе с тем и в русском языковом сознании приветствуется идея продвижения по службе: *«Плох тот солдат, который не надеется стать генералом»*. Вероятно, в

коллективном сознании есть некая усредненная норма социального роста, плохо, если кто-то слишком быстро поднимается вверх, и нехорошо, если кто-то останавливается на пути.

Принято считать, что в китайской лингвокультуре не поощряется самовыдвижение. Однако в корпусе китайских пословиц наличествует такое речение: *«Если есть цветы, так воткни их в волосы при всех»*. Это означает, что окружающие должны знать о достоинствах человека, их не нужно скрывать. Человек не должен со всеми соглашаться: *«Из круглых камней стена непрочная»*. Аллегория понятна: удобный и приятный всем человек сравнивается с круглым камнем, но на такого человека нельзя положиться.

Китайские пословицы советуют человеку придерживаться выбранного курса: *«Коль собрался бить в барабан, не бей в гонг»*. Стабильность высоко ценится в китайской лингвокультуре. Очень интересно речение, в котором рекомендуется ценить то, что находится рядом: *«Лекарство, что стоит тысячу монет, растет у самого плетня»*. Народная мудрость учит человека внимательно смотреть на реальность и говорит о том, что наилучший выход из сложной ситуации может быть найден поблизости.

Китайцы подчеркивают важность умеренности: *«При трех ноздрях будет идти лишняя струйка воздуха»*. Иначе говоря, избыток вреден. В русской лингвокультуре актуализируется идея полярного контраста, драматического выбора между взаимоисключающими вариантами: *«Пан либо пропал»*, *«Либо в стремя ногой, либо в пень головой»*, *«Либо грудь в крестах, либо голова в кустах»*. Такой выбор – всё или ничего – свидетельствует о приоритете эмоционального романтического порыва над здравым смыслом, о презрении к золотой середине и, если задуматься, о более значимой роли ситуаций противоборства по сравнению с ситуациями повседневного труда.

В русском языковом сознании множественно и вариативно выражена идея коллективизма: *«Лес по дереву не плачет»* - Интересы всего общества важнее интересов отдельных людей. Особенно важно быть вместе с другими людьми в критических ситуациях: *«На миру и смерть красна»*. Количество ратников часто решает судьбу сражения: *«Один в поле не воин»*. Коллективный труд более производителен: *«Артельный горшок гуще кипит»*, *«Одной рукой узла не завяжешь»* – Сообща легче справиться с любым делом. В китайской паремиологии показаны как плюсы, так и минусы коллективной жизни. В рискованных предприятиях человеку нужна поддержка: *«Чтобы убить тигра, непременно нужны родные братья»*. Помимо коллективности в этом речении подчеркивается важность родственных связей. Но в паремиях встречаются и критические оценки тесных взаимных связей: *«Можно вместе переносить*

невзгоды, нельзя вместе делить радость». Подобная пословица резко диссонирует с русскими речениями на эту тему: *«Если радость на всех одна, то и беда одна»*.

Отметим точность наблюдений о человеческом характере в китайских пословицах: *«Сорвавшаяся рыба всегда самая большая»*. Человеку свойственно преувеличивать значимость того, что потерялось, чуть не став обретением.

Универсальные высказывания строятся по определенным моделям, включающим кванторы существования и всеобщности, причинно-следственные отношения, перечисления и противопоставления. Если говорить о прототипных ситуациях поучений, лежащих в основе аллегорических речений, то это ситуации побуждения к действию, запрета (побуждения к отказу от возможного действия), констатации некоторого положения дел – простого и сложного. Например, *«Не бей Фому за Ерёмину вину»*. В этом запрете содержится предписание устанавливать ответственность человека за совершенное им действие и не наказывать невиновного. В паремии содержится обобщенное наблюдение, включающее несколько суждений. Например, *«Ворон ворону глаз не выклюет»*. Это речение означает, что своих в сложной ситуации пожалеют. Ворон может выклевать глаз другому живому существу, и люди могут вести себя достаточно агрессивно, но по отношению к своим агрессия будет иной по сравнению с отношением к другим.

В китайских паремиях весьма часто мы сталкиваемся с симметричными суждениями. Например, *«Деньги в руках посыльного – баран в рту у тигра»*. В этой конструкции (А есть В) второе суждение раскрывает сущность первого. Именно второе суждение содержит аллерию. Подобные речения встречаются и в русской коммуникативной практике (*«Женщина за рулем – обезьяна с гранатой»*), распространенное сексистское утверждение, посредством которого мужчины пытаются самоутвердиться в собственных глазах; на самом деле женщины водят автомобили осторожнее мужчин). Интересны симметричные китайские речения, в сжатом виде повествующие о развитии некоторых событий: *«дерево свалится, мартышки разбегутся»*. Аллегорический потенциал этой паремии допускает такую интерпретацию: дерево – любая опора в прямом и переносном смысле, позволяющая тем, кто находится там, чувствовать себя в безопасности, как только эта опора рушится, они пытаются спастись. При этом нужно знать, что мартышки бывают агрессивными, особенно, когда чувствуют себя неуязвимыми: их любимое занятие – бросать сверху на людей или животных плоды. Таким образом, общий смысл такого речения – обидчики торжествуют, пока они в безопасности, но это пройдет. В китайских паремиях часто имеет место риторическое удвоение смысла: *«Женщина, продающая овощи, ест*

желтые листья; женщина, продающая цветы, вставляет бамбуковые листья в волосы). В этом изречении выражена одна идея в двух вариантах: тот, кто распоряжается какими-либо ресурсами, часто не пользуется ими. Продавая овощи, можно было бы их есть, но женщина не может использовать даже свежие зеленые листья и вынуждена довольствоваться высохшими желтыми; и продавщица цветов не может воспользоваться своим товаром для украшения своих волос. Аналогичным образом используется риторическая тавтология в других китайских пословицах: *«Когда лодка опаздывает, то и ветер встречный; когда крыша протекает, то и дождь идет*». Смысл этого удвоенного речения в том, что неблагоприятные обстоятельства часто накладываются друг на друга. В русском языке эта идея выражена менее образно: *«Беда не приходит одна», «Пришла беда – открывай ворота*». В английском языке есть подобное высказывание: *«It never rains, but it pours»* – Если уж пошел дождь, то это – ливень. Китайская концептуализация такого положения дел является более подробной. Идея выражена с помощью двух образов-ситуаций, которые по своей динамичности похожи на видеоклип.

Симметричность структуры многих китайских пословиц объясняется следующим образом: «типичной спецификой китайской пословицы является *dui ou* (букв. пара + парность; знач. параллельный стиль или симметрическое построение ее частей). Она отражает специфику мышления китайского народа (единство противоположности) и эстетическое восприятие их (парность) (Лю Цзюань 2004: 94). Симметричные поучения обычно содержат общую идею, выраженную формулой «А – В, С – D)», при этом в аллегорическом смысле переосмысливаются все компоненты паремии. Например: *Chu men wen lu, ru xiang wen su* – *Отправляешься в дальний путь – узнай дорогу; придешь на новое место – узнай обычай*. Эта пословица применима к широкому спектру ситуаций знакомства с кем-либо. В паремиях могут полностью повторяться компоненты первой и второй частей: *Yi bo wei ping, yi bo you qi* – *Не успела одна волна накатить, как поднимается другая*. В этом образе аллегорически выражена идея необходимости постоянно быть готовым к испытаниям судьбы.

Модели универсальных высказываний, выступающих в качестве основы для аллегорического осмысления, представляют собой свернутые повествования. Аллегория часто выражается в виде нарратива:

Некто звал Чжуан-цзы к себе на службу. Чжуан-цзы так ответил посланцу:

– Видали вы когда-нибудь жертвенного быка? Наряжают его в расшитые ткани, откармливают сеном и бобами! А потом ведут в храм предков – на

заклание. Он и рад бы тогда снова стать простым теленком – да не тут-то было! (Чжуан-цзы).

В этой притче говорится о расплате за роскошную жизнь. Фабула данного повествования представляет собой диалог царского посланца и мудреца, который, отказываясь от лестного приглашения стать придворным, аллегорически сравнивает царедворца с жертвенным быком. Сюжет нарратива – это жизнь жертвенного животного: этот бык избран из стада, его красиво наряжают, сытно кормят, мы можем также заключить, что его не заставляют работать, а потом его ведут на заклание, и вернуться в стадо и стать простым быком он уже не может. Эту притчу можно было бы свернуть в пословицу: Знает ли жертвенный бык, для чего его откармливают?

В русской культуре поучения ситуативно конкретизированы и часто завершаются четкой формулировкой, которая впоследствии начинала циркулировать в качестве пословицы. Например: *«Целовал ворон курочку до последнего перышка»*. Иная любовь приводит объект этой любви к печальному концу, и человек иногда не понимает, что губит любимое существо своей страстью. Вместе с тем в известном собрании сказаний и легенд русского народа в книге А.Н. Афанасьева приводится ряд притч, имеющих религиозную основу. Например:

Когда-то пришел Христос в худой нищенской одежде на мельницу и стал просить у мельника святую милостыню. Мельник осерчал: «Ступай, ступай отселева с Богом! Много вас таскается, всех не накормишь!» Так-таки ничего и не дал. На ту пору случись – мужичок привез на мельницу смолоть небольшой мешок ржи, увидал нищего и сжалился: «Подь сюды, я тебе дам». И стал отсыпать ему из мешка хлеб-ат; отсыпал, почитай, с целую мерку, а нищий все свою кису подставляет. «Что, али еще отсыпать?» — «Да, коли будет ваша милость! Ну, пожалуй!» Отсыпал еще с мерку, а нищий все-таки подставляет свою кису. Отсыпал ему мужичок и в третий раз, и осталось у него у самого зерна так, самая малость. «Вот дурак! Сколько отдал, – думает мельник, – да я еще за помол возьму; что ж ему-то останется?» Ну, хорошо.

Взял он у мужика рожь, засыпал и стал молоть; смотрит: уж много прошло времени, а мука все сыпется, да сыпется! Что за диво! Всего зерна-то было с четверть, а муки намолось четвертей двадцать, да и еще осталось, что молоть: мука себе все сыпется, да сыпется... Мужик не знал, куда и собирать-то!

Эта история («Чудо на мельнице») представляет собой сюжет об испытании богатого и бедного на щедрость. Богатый мельник отказал нищему в милостыне, бедный мужичок щедро поделился с нищим своим зерном, и поэтому произошло чудо: из небольшой мерки ржи вышло много муки. Мораль этой истории сводится к тому, что следует быть щедрым. Скупой богач будет наказан, а щедрый бедняк награжден, или еще короче: скупой потеряет, а щедрый найдет. Щедрость, как известно,

– одна из базовых ценностей традиционной русской культуры. Кроме того, в этой притче содержится осуждение богатых людей, которые из-за своего богатства очерствели сердцем. В современном русском языковом сознании существует пословица «Скупой платит дважды». Интересно, что в современном русском паремиологическом фонде нет речений, в которых бы положительно оценивалась щедрость. Возможно, это связано с тем, что осуждение недостатков более значимо, чем восхваление достоинств. Отметим также, что противопоставление богатства и бедности в современном русском сознании приобрело иной характер: «Лучше быть богатым и здоровым, чем бедным и больным». Такая метаморфоза ценностей объясняется изменением социальных ориентиров в современной России. Норма становится актуальной только тогда, когда в ней есть некая новизна, самоочевидные вещи повторяются только с игровой целью. Можно, разумеется, усмотреть игровой смысл в приведенном речении, и тогда оно воспринимается как пустоговорка, существующая для заполнения паузы. Но можно построить иную объяснительную схему: раньше считалось, что главное – это духовное богатство, а материальный достаток не важен, а теперь считается, что материальное богатство, как и физическое здоровье, – это то, к чему следует стремиться.

Коммуникативная тональность – это эмоционально-стилевой формат общения, возникающий в процессе взаимовлияния коммуникантов и определяющий их меняющиеся установки и выбор всех средств общения [Карасик 2009]. Тональность ситуативна и присуща дискурсу в целом, отдельные высказывания могут значительно отличаться друг от друга по этому параметру, попадая в другие типы дискурса. Но если даже слово, по М.М. Бахтину, хранит в своем значении типичные ситуации употребления, то подобная дискурсивная память тем более свойственна высказываниям. Это в полной мере относится к универсальным высказываниям, которые предназначены для поучений. И.М. Снегирев [1848: XXIII] отмечает, что «коренная, древнейшая форма пословиц есть эпическая; но нередко облекается она в лирическую и символическую, иногда принимает и драматическую». Эпическая форма представляет собой повествование – в прошедшем, настоящем либо будущем времени. Мы видим развитие событий: «Взвыла собака на свою голову» (рус.) – Собака завыла, хозяин вышел и побил ее. Мораль: надо молчать, как бы плохо ни было на душе, иначе будет еще хуже, поскольку люди редко проявляют сочувствие. Мы можем представить себе ситуацию использования такого речения следующим образом: в неподходящий момент кто-то жалуется начальнику на кого-либо, а начальник вместо сочувствия начинает ругать обиженного. Комментатор, рассказывая такую историю, приводит эту пословицу в качестве типич-

ного развития событий. Подобные высказывания широко распространены в русской паремиологии. Перед нами притча в ее классическом концентрированном выражении, т. е. отдельный случай, имеющий аллегорическое истолкование. В высказывании выражена авторская оценка поступка – «на свою голову». В этом комментарии мы видим и осуждение, и сочувствие.

В китайской паремиологии критические речения широко представлены: *«Бедный за богатым ходит, ходит – а штанов все равно нет»* (кит.). Отрицательно оценивается неверная стратегия поведения. В затруднительной ситуации слепое подражание или ожидание помощи не принесет пользы. Человек должен искать иные решения. Обращает на себя внимание саркастичность речения. Подобная тональность прослеживается во многих речениях, осуждающих неумное поведение: *«Поднял с земли семена кунжута, а потерял арбуз»* (кит.). Преследуя неверную цель, человек неизбежно несет потери. Ситуации ошибочного поведения весьма разнообразны. Например: *«Когда вор ушел, закрывают двери»* (кит.). Надо было вовремя думать о вероятных неприятностях. Ирония выражается в несоответствии поступков: *«Когда садишься в свадебный паланкин, поздно прокалывать дырочки в ушах»* (кит.). Осуждается отсутствие планирования и предусмотрительности в жизни. В современном русском разговорном обиходе есть соответствующее прислобие: *«Поздно пить боржом, когда печень отвалилась»* (рус.).

Ироничная тональность прослеживается в целом ряде русских пословиц. Например: *«Вылетела птишка из клетки, не знает, где и сесть»* (рус.). Бывает так, что человек, осуществив свою мечту, не знает, что дальше делать. Особенно это касается молодых и неопытных людей. Говорящий не проявляет сочувствия к персонажу, сравнивая его с глупой птичкой, а укоризненно покачивает головой. Иронично звучит речение, выражающее критическую оценку неблагодарности: *«Дали нагому рубашку, а он говорит: толста»* (рус.). Эта идея в иной тональности достаточно часто проявляется в паремиологическом фонде: *«Дареному коню в зубы не смотрят»* (рус.).

В пословицах часто аллегорически выражается призыв к бдительности. Например: *«Умерла щука, да зубы остались»* (рус.) – Хотя источник зла устранен, его последствия еще будут приносить вред. Эта идея очень важна: в данном речении содержится предостережение против естественной беспечности. Перед нами серьезное поучение в чистом виде.

В пословицах может содержаться утешение и сочувствие. Например: *«Подняться в небо – нет дороги, спуститься под землю – нет ворот»* (кит.). Так говорят о безвыходном положении. По-русски в такой ситуации говорят так: *«Куда ни кинь, везде клин»* (рус.). Русское речение

носит более разговорный характер. Общий вывод таких речений – случаются безвыходные ситуации. Зачем нужны такие речения, в которых не содержится совет? По-видимому, они являются способом эмоциональной разрядки и в этом плане эквивалентны междометиям, если обращены к самому себе. Но если такие высказывания адресованы другим людям, то предполагается, что в ответ говорящий услышит слова сочувствия и поддержки. С некоторыми оговорками такие речения можно назвать лирическими. Утешение сопряжено с оправданием: «*Лока не попадешься на удочку, не станешь знатоком*» (кит.). Здесь выражена идея неизбежности совершения ошибок. Эта же идея прослеживается в русской поговорке: «*Конь о четырех копытах, и тот спотыкается*». Такой вывод зафиксирован в паремиологии многих народов, например: «*Человеку свойственно ошибаться*» (лат.). Существуют и речения, в которых сочувствие не сопряжено с оправданием: «*Уломали сивку крутые горки*» (рус.). Так говорят о тех, кто не выдержал напряженной работы, сошел с дистанции, не выполнил своих планов. Такая ситуация точно отражена в хрестоматийно известных словах Екатерины Ивановны Мармеладовой из романа Ф.М. Достоевского «Преступление и наказание»: «*Заездили клячу – надорвалась!*». Яркий образ уставшей изможденной лошади сразу же обрастает аллегорическим смыслом.

Некоторые паремии парадоксальны: «*Огонь в бумагу не завернешь*» (кит.). Здесь выражена идея бессмысленности применения неподходящих средств для решения тех или иных проблем. Подобные парадоксальные суждения есть и в русской паремиологии: «*Плетью обуха не перешибешь*» (рус.). Несочетаемость огня и бумаги, плети и топора самоочевидна. Говорящий находит яркий контраст для того, чтобы объяснить адресату, что тот поступает неправильно и неизбежно сильно пострадает, если не изменит своего поведения. Перед нами акцентированная тональность настойчивого увещевания. Здесь можно усмотреть и самооправдание: говорящий оправдывается перед собой или другими, что предпринимал какие-то усилия, но все оказалось безрезультатным.

В паремиях может выражаться тональность удивления, смешанного с некоторой досадой: «*В рай за волосы не тянут*» (рус.). Так говорят в тех случаях, когда не удается убедить кого-либо в том, что было бы ему полезно. У этого речения есть коммуникативные эквиваленты: «*Вольному воля, а спасенным рай*» (рус.) или в современном варианте с некоторой долей юмора: «*Колхоз – дело добровольное*» (рус.).

В русской паремиологии обращают на себя внимание шуточные речения. Например: «*У каждой избушки свои поскрипушки*» – Каждому человеку присущи какие-то свои привычки, которые кажутся странными другим. Эта идея поддержана современным разговорным речением: «*У каждого свои тараканы в голове*». Стремление понизить стилисти-

ческий регистр в поучении свидетельствует о том, что говорящий отдаст себе отчет в возможной негативной реакции на это поучение со стороны слушающего. Такая коммуникативная тактика оказывается весьма успешной, поскольку, как известно, действенна только благожелательная критика. В китайской паремиологии подобные шуточные изречения попадаются значительно реже. Возможно, требуется более полный список пословиц, но не исключено, что в китайской лингвокультуре поучение не сопряжено с юмористической тональностью. В ряде случаев ирония становится достаточно едкой: *«Хоть дуйся, хоть не дуйся, уж не быть быком лягушке»* (рус.). В этом речении осуждается спесивое надменное поведение кого-либо.

В пословичном фонде представлены и диалоги, своеобразные драматургические аллегорические речения: *«Тит, пойди молотить!»* – *«Брюхо болит»*. – *«Тит, пойди вина пить!»* – *«Дай кафтанишко ухватить»*. Вариант: *«Тит, иди кашу есть!»* – *«А где моя большая ложка?»*. В этом диалоге иронически показано отношение к лодырю.

Подведем основные итоги.

В коммуникативной практике выделяются ситуации, значимые для поучений. Такие ситуации закрепляются в определенных речениях, обычно в пословицах и притчах. Анализ русских и китайских аллегорий на материале паремиологии показал, что существует определенная специфика фиксации аллегорического смысла в сравниваемых лингвокультурах. Эта специфика выражается в типичных образах, которые положены в основу аллегорий, в типичных моделях универсальных высказываний и типичных разновидностях коммуникативной тональности, закрепленных в соответствующих аллегорических речениях. Образ, модель и тональность представляют собой семиотическое представление прототипной ситуации поучения, в которой выделяются семантические, синтаксические и прагматические характеристики. Семиотическое своеобразие образов, используемых в аллегорических речениях, сводится к набору исходных реалий и к совокупности значимых идей, выражаемых посредством этих реалий. В русской лингвокультуре выделяются идеи справедливости и коллективизма, в китайской – целесообразности и трезвого учета обстоятельств. Китайские паремии часто построены в виде симметричных суждений, русские аллегорические высказывания могут выражаться в разных структурных типах предложений. Основными типами коммуникативной тональности в паремиологии являются осуждение и утешение, при этом для русских речений характерно шуточное снижение стилового регистра, а для китайских – явно выраженная назидательность.

Язык, сознание, коммуникация: Сб. статей / Под ред. Н.В. Уфимцевой, В.В. Красных, А.И. Изотова. – М.: МАКС Пресс, 2010. – Вып. 40. – 156 с. ISBN 978-5-317-03524-2

Л и т е р а т у р а

1. *Воркачев С.Г.* Правды ищи: идея справедливости в русской лингвокультуре: монография. Волгоград: Парадигма, 2009. – 190 с.
2. *Гудков Д.Б.* Теория и практика межкультурной коммуникации. М.: Гнозис, 2003. – 288 с.
3. *Карасик В.И.* Языковой круг: личность, концепты, дискурс. М.: Гнозис, 2004. – 390 с.
4. *Красных В.В.* Этнопсихоллингвистика и лингвокультурология: Курс лекций. М.: Гнозис, 2002. – 284 с.
5. *Ларина Т.В.* Категория вежливости и стиль коммуникации: Сопоставление английских и русских лингвокультурных традиций. М.: Языки славянских культур, 2009. – 512 с.
6. *Лю Цзюань.* Концепт «путешествие» в китайской и русской лингвокультурах: дис. ... канд. филол. наук. Волгоград, 2004. – 193 с.
7. Русское культурное пространство: Лингвокультурологический словарь: Вып. первый / И.С. Брилева, Н.П. Вольская, Д.Б. Гудков, И.В. Захаренко, В.В. Красных. М.: Гнозис, 2004. – 318 с.
8. *Савицкий В.М.* Основы общей теории идиоматики. М.: Гнозис, 2006. – 208 с.
9. *Сорокин Ю.А.* Лакуны как сигналы специфики лингвокультурной общности // Аспекты изучения текста. М., 1981. – С.93-101.
10. *Сорокин Ю.А.* Переводоведение: статус переводчика и психогерменевтические процедуры. М.: Гнозис, 2003. – 160 с.

Л е к с и к о г р а ф и ч е с к и е и с т о ч н и к и

1. *Даль В.И.* Пословицы русского народа: Сборник: В 2 т. Т.1. М.: ТЕРРА, 1996. 432 с.; Т.2. М.: Терра, 1996. 422 с.
2. *Жуков В.П.* Словарь русских пословиц и поговорок. М.: Русский язык, 1993. 537 с.
3. *Пермяков Г.Л.* Пословицы и поговорки народов Востока. М.: Лабиринт, 2001. 624 с.
4. *Рифтин Б.Л.* Китайские пословицы и поговорки // Мудрое слово Востока. М.: РИПОЛ, 1996. С.273-309.
5. *Снегирев И.М.* Русские народные пословицы и притчи. М., 1848. – 550 с.